

**СОВЕТСКАЯ
ПРОЕКТА**

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

**ПРАВИЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ!**

Советский проект

Сергей Кара-Мурза

Правильная революция!

«Алгоритм»

2009

Кара-Мурза С. Г.

Правильная революция! / С. Г. Кара-Мурза — «Алгоритм», 2009 — (Советский проект)

В книге известного российского писателя и ученого С. Г. Кара-Мурзы показаны глубокие национальные основы Великой Октябрьской социалистической революции, которые, наряду с прочими причинами, предопределили ее неизбежную победу. «В свое время Пришвин, отрицательно воспринявший Октябрьскую революцию, все же вынужден был признать, что она означала цивилизационный выбор, что революция такого масштаба есть разрешение кризиса несравненно более глубокого, нежели политический или социальный. Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, он был вынужден признать, что установившийся в результате революции советский строй – это «соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей». Но только в таком соединении и жива Россия», – считает автор.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Государство и революции	12
Глава 2. Критерии оценки революций в методологии марксизма	30
Глава 3. Реакционные и прогрессивные революции	37
Глава 4. Запрет на русскую народную революцию	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Кара-Мурза

Правильная революция!

© Кара-Мурза С.Г., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

90 лет назад произошла русская революция. Сначала был Февраль. Он был тем тараном, что пробил брешь, в которую прорвалась Октябрьская революция. Поэтому нынешние наследники Керенского, которые на время взяли реванш в России, не празднуют ту их первую победу, даже хотели бы отмазаться от нее. А нам полезно разобраться.

За последние 15 лет я много перечитал о том времени, сравнил наблюдения многих умных людей из разных политических течений. Сложилась иная картина, чем та, что нам давали в официальной истории. Та упрощенная схема, как я думаю, была выработана, чтобы после Гражданской войны поскорее залечить рану раскола, примирить враждовавшие силы. Это было мудрое решение. Но оно же оставило нас без важного знания, которое нам было необходимо во время перестройки. Знай мы смысл событий 1905–1917 гг., мы не попались бы на удочку Горбачева. Сегодня повторять старые штампы советской истории нельзя никак, тем более навязывать их молодежи. Следуя им, мы будем похожи на динозавров, чудом переживших оледенение и проснувшихся в другой эпохе.

Мы учили, что в Феврале в России произошла *буржуазно-демократическая* революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина совершенно неверна, не в деталях, а в главном. Никак не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну – неудачно, пошло на поводу у помещиков. Не справилось – было повязано и сословными нормами, и долгами. Как говорят, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом этого государства была *буржуазия*, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии – чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как на Западе). Крестьяне (85 % населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» – и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов» – и произошла революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» – ересь для марксизма. К революции крестьяне повернули из-за столыпинской реформы, Столыпин и есть «отец русской революции».

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ним не примкнули и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России стали созреть две не просто разные, а и враждебные друг другу *революции*: 1) западническая, имевшая целью *установить* в России западную демократию и сво-

бодный рынок, 2) крестьянская, имевшая целью *закрывать* Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать свою землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской – грязную работу уже сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства – прежде всего, представления о мире и человеке.

Столкновения начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

В момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, и началась вялотекущая *гражданская война*. Но не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Преобразование внешней войны в гражданскую ощущалось всеми. В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В. И. Ленина. Стихийный процесс продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков). Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина состава царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух *революционных движений*. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам. И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься!

Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный».

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданием, сразу начали расстреливать советские демонстрации. А позже лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

В России происходило параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Но можно взглянуть и по-другому, со стороны меньшевиков-марксистов. Их взгляд враждебен советской революции, но он все же правильнее, чем официальная советская история. Они считали Октябрь событием реакционным – *контрреволюцией*. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» – всю антисоветчину из него выкинули. Тоже правильно сделали, для того момента, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Да и сегодня плаваем.

Так вот, меньшевики и эсеры считали Октябрь контрреволюционным переворотом (эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром – его теперь православные патриоты с воинскими почестями и хоругвями хоронят).

Ну пусть обзывают Октябрьскую революцию контрреволюцией, не будем обращать внимания. Важнее их анализ.

Николай Бердяев высказал в 1923 г. важную мысль: «Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни... Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».

Буржуазно-либеральная революция (февраль 1917 г.) могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но никак не силами, «революцией поражёнными» (монархистами и помещиками). Если представить себе, что монархисты взяли реванш у либералов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» – сплав Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции». Вот великая заслуга Февраля – он сплавил Советы с большевиками.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже через короткий промежуток времени контратака сходу оказывается невозможной, приходится готовить *революцию*, что гораздо сложнее. Это глубоко продумал Ленин. Он точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв.

Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора. И когда угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что такое «отрицание отрицания» привело к Гражданской войне. Не удалось оторвать меньшевиков и эсеров от кадетов, и слишком силен был в них революционный дух. Война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Рос-

сийскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля с Октябрем» – столкновение двух *революционных* проектов.

Если представить себе, что масоны и буржуазия не успели подготовить свою революцию и советские силы сами одолели царизм, то никакой гражданской войны не было бы. Советская власть и царская в принципе не были антагонистами – сразу бы начали выполнять пятилетние планы, подготовленные царскими плановиками, и строить московское метро. Но именно поэтому и не удалось бы поднять солдат и крестьян на революцию против Российской империи. Прорваться можно было только «на плечах врага».

К сожалению, антисоветские силы многому научились у истории, им требовалось знание, а не приятные сказки. Теперь наша очередь учиться – в этом польза поражений. Поражение произошло на наших глазах.

В августе 1991 г., посредством сложных маневров и провокаций верхушка КПСС передала власть радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила грязную и явно преступную часть работы по уничтожению СССР и Советского государства.

Но государство – не человек, оно умирает долго и трудно, и шестнадцать лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство – *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу. Помогают убийцы и их консультанты.

Джеффри Сакс, профессиональный палач-реформатор многих национальных экономик, пошутил о советском хозяйстве: «Мы вскрыли грудную клетку больного, а оказалось, что у него другая, нам неизвестная анатомия». Врет киллер. Все они, вскрывавшие грудную клетку нашей страны, знали, куда воткнуть нож, – и он, с кучей советологов и эмигрантов всех волн, и «свои», с пеленок выращенные в обкомах и академиях. Знали нашу анатомию – знанием ненавистника и убийцы.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти – у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Ельцину с Чубайсом и Дж. Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но не могут даже и они не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Судя по всему, и целились-то в Россию, а о коммунизме говорили из приличий. Но не будем отнимать у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Катастрофы – это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы – источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий. Именно когда рушатся под явными ударами эти сложные и хрупкие конструкции, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе.

Но этот миг очень короток. Все мы в момент катастрофы слишком потрясены и слишком заняты спасением или мародерством. А убийцы забрасывают нанесенные ими раны грязью, замазывают ложью, прячут улики. Да раны и сами затягиваются уродливыми рубцами и шрамами – ведь общество не погибает, израненный инвалид оживает и как-то должен вновь учиться говорить, передвигаться, добывать себе пищу. Поэтому очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей – можем ли мы дать ему пропасть, позволить его спрятать теневым жрецам преступного интернационала!

Есть и другая точка зрения – наоборот, прекратить обсуждение русской революции и советского строя. Вернуться туда нельзя, так нечего и тратить время. Надо, мол, перевернуть страницу истории, похоронить своих мертвых и начинать жизнь сначала. На этой основе возможен даже компромисс с новыми хозяевами – их дела мы стираем из нашей коллективной памяти, а они станут к нам добрее.

На мой взгляд, эти пожелания наивны. Речь не идет о возврате в «*тот*» советский строй. Это невозможно и никому не нужно – вернуться, чтобы снова вырастить Горбачева с Ельциным? Дело в том, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого, к тому же не преодоленного. А мы его до сих пор поняли в очень малой степени. Понять советский строй – это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недавно антисоветизм – одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок. Именно потому, что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта – и пробьют к нему туннель. Тогда опять пиши пропало.

Нынешнее состояние России – лишь эпизод нашей Смуты, совмещенной с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда» за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы как кость в горле. Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна*. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов – а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР – тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на непримиримых хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди художников, готовых их воспеть и узаконить, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто его разрушал, и тем, кто этому потакал, и тем, кто его не сумел защитить, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни и инстинкт продолжения рода понемногу и незаметно начнут отвлекать людей от телеэкрана и заставят искать выход. По крайней мере, есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в какой-то новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают пожевать президенты и их Грефы, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую нитку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие, и критики жуют эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустроивает гнезда комфорта в самой России – на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы – в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современного производства изготавливать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат внутренних войск.

Для России по ряду причин этот сценарий нереализуем, хотя эту новую фашистскую утопию мы встречаем в сильно ослабленном состоянии. Поэтому, как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или русские восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с нашей природой, наличными ресурсами и культурой, – или исчезнут как народ и как страна. Исчезнут, как американские индейцы.

И в выборе и построении этого возможного для нас жизнеустройства им будет совершенно необходим опыт советского строя. Потому что он тоже складывался под давлением непреодолимых условий и смертельных угроз, и многие решения, выстраданные поколениями советских людей, являются, вероятно, единственно возможными. Скорее всего ряд важнейших принципов жизнеустройства, при котором только и может сохраниться русский народ и его культура, будут в главных своих чертах воспроизводить принципы советского строя – неважно даже, под какой идеологической шапкой.

Поэтому очень скоро всем нам, кто хочет, чтобы его дети и внуки жили в нашей культуре, да и вообще жили, будут насущно нужны книги, в которых был бы воссоздан и советский *проект*, и советский *строй* — то, что успели выполнить из всего проекта. Кое-что полезного сказали в своих специальных работах убийцы советского строя. Но то, что нужно убийце, недостаточно для строителя.

Нам нужны будут книги, ставящие заслон тому потоку карикатур, производство которых наладила антисоветская идеологическая машина. Книги, написанные с любовью, но не взахлеб. Надо начинать большой проект по созданию истории *«структур советской повседневности»*. Из нее мы поймем, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Поймем источники нашей силы и поразительной уязвимости.

Я писал эту книгу с любовью к советскому строю и советскому народу. Тот, для кого ненависть к СССР стала опорой в их духовной жизни, пусть лучше ее не читает. Человеку разумному будет не трудно читать критику советского строя, потому что у меня нет ни задачи, ни даже малейшего желания кого-то переубедить или куда-то повести.

Книга эта – не научный труд, в ней много аргументов, не поддающихся критической проверке строгими методами. Но и нестрогие доводы полезно знать. Все же скелет книги я строил согласно принципам построения научного текста, и этот костяк при необходимости можно легко вычленивать. Что же касается фактических данных, то я их по возможности брал из самых надежных источников. Судя по критике первых изданий книги, больших ошибок, которые могли бы принципиально повлиять на выводы, в них нет.

Глава 1. Государство и революции

Уже во втором тысячелетии до нашей эры политическая власть в обществах древних цивилизаций приобрела черты *государства*. С тех пор и до настоящего времени государство представляет собой основной институт, осуществляющий управление обществом и охрану его экономической и социальной структуры от угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

По своему типу государства отвечают типу того общества, которое их порождает. Если мы классифицируем общества по признакам *формации*, то различаем государства рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (хотя понятие формации является абстракцией, и в любом обществе сосуществуют разные социально-экономические уклады). В периоды больших социальных сдвигов (особенно революций) возникают государства переходных типов, с быстрым изменением их структур и образа действия.

Если нас интересует форма правления, организация власти, то мы различаем разного типа монархии и республики (парламентскую, президентскую, советскую), и вариации их весьма многообразны. По территориальному и национальному устройству государства могут быть унитарными (единицами), федерациями (союз относительно автономных единиц) или конфедерациями (государственно-правовыми объединениями), а также империями.

Осуществление государственной власти основывается на отношениях *господства*. Под ним понимается такое состояние общества, когда приказания власти встречают повиновение подданных или граждан. Это состояние не может быть обеспечено только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для него необходима *вера* в законность власти. Никколо Макиавелли – политик и мыслитель Возрождения (XV–XVI вв.), заложивший основы нового учения о государстве, первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»)¹. Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию *согласия* подданных. Механизм власти – не только принуждение, но и *убеждение*. Овладение собственностью как экономической основой власти недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается.

Условием устойчивости власти является ее *легитимность*. Это совсем не то же, что *законность* (легальность) власти, т. е. формальное соответствие законам страны. Формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, то есть «превращение власти в *авторитет*». Как же определяют, в двух словах, суть легитимности ведущие ученые в этой области? Примерно так: это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Таковую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос законности его формирования – оно не завоевало авторитета и не приобрело легитимности. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей (потом Эйзенштейн снял героический фильм – матросы, ворота, стрельба). На наших глазах за три

¹ Насколько это нетривиальная мысль видно из того, что до сих пор многие марксисты и их «антиподы» демократы убеждены в насильственном характере власти. В рамках марксизма идею Макиавелли развил Антонио Грамши, о чем будет сказано ниже.

года утратил легитимность режим Горбачева – и три человека собрались, трясаясь от страха, где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность – она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях мы называем *революциями*.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* проникнуто представлениями марксизма. «Философский словарь» (1991) гласит: «Революция – коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» (Ленин В. И.). Революция – высшая форма борьбы классов».

Выделим главные черты, которые приписывает революциям это определение.

Во-первых, революция представлена как явление всегда *прогрессивное*, ведущее к улучшению жизни общества («низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»). Этому определению присущ *прогрессизм*.

Во-вторых, это определение присуще *формационному* подходу к истории. В его поле зрения не попадают все другие «коренные перевороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены общественно-экономических формаций. Этому определению присущ *экономизм*.

В-третьих, революция в этом определении представлена как явление *классовой борьбы*. Из него выпадают все «коренные перевороты в жизни общества», вызванные противоречиями между общностями людей, не подпадающими под понятие класса (национальными, религиозными, культурными и др.).

Тот факт, что в современных энциклопедиях понятие революции трактуется согласно *теории пролетарской революции*, разработанной Марксом в середине XIX века, сам по себе является замечательным. Ведь понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае исключительно узкое и ограниченное марксистское понятие служит фильтром, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбу народов. Большинство образованных людей, следующих приведенному выше определению, не видит даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах – они считают их не слишком существенными явлениями. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть того исторического выбора, перед которым оно оказывается в момент революции.

К этому добавляется еще одно отягчающее обстоятельство: за последние двести лет в мире не произошло революций, отвечающих приведенному выше определению. Ему соответствуют только буржуазные революции в Англии XVII века и Франции конца XVIII века. В XX веке классовых революций не было, но зато прошла мировая волна революций в сословных обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия – волна постмодернистских «бархатных» революций.

Тем не менее, необходимо кратко рассмотреть главные положения основных теорий революции, начиная с теории Маркса. Он, как известно, изучал классовое капиталистическое общество (на материале Англии) и назревающую в нем, как он предполагал, пролетарскую революцию.

Доктрине марксизма присущ крайний экономизм – в ней не только революции, но и вообще любая политическая борьба сводится исключительно к экономическим причинам и к борьбе классов, отрицается любая иная природа общественных конфликтов. Энгельс пишет: «По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*».

Такое представление общественных противоречий – крайняя абстракция. В действительности конфликты на экономической почве являются лишь одним из многих типов общественных конфликтов. Чаще всего конфликты возникают на почве культурных различий – в прошлом религиозных, в XX веке – национальных. Американский этнограф К. Янг, посвятивший классификации конфликтов большую книгу, говорил в Москве на конференции «Этничность и власть в полиэтнических государствах»: «Широкомасштабное насилие, имевшее место в последние десятилетия в рамках политических сообществ, в огромном большинстве случаев развивалось по линии культурных, а не классовых различий; в экстремальном случае геноцид является патологией проявления культурного плюрализма [то есть *этничности*], но никак не классовой борьбы».

Более того, во второй половине XX века, на исходе Нового времени, западное общество даже смогло интегрировать то, что Маркс считал импульсами революции, в качестве укрепляющих общество инструментов. С. Земляной пишет: «Государство эпохи постмодерна научилось канализировать протест, использовать оппозицию как эффективный инструмент своей отладки и регулирования. Михаилом Лифшицем, неординарным советским философом-марксистом, для объяснения этой пикантной ситуации была предложена теория «мнимого протеста», которая неожиданным образом воскресла во французском постмодернизме, коим под знаменатель мнимого протеста были подведены марксизм и классовая борьба».

Известный французский философ Жан-Франсуа Лиотар отмечал в книге «Состояние постмодерн»: «Марксизмом руководит другая модель общества... В основе этой модели лежит борьба классов... Здесь невозможно обойтись без перипетий, которые занимают общественную историю, политику и идеологию в течение более века... Судьба их известна; в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой борьбы и ее руководителей в регуляторы системы... И повсюду, под разными названиями, критика политической экономии (под названием «Капитала» Маркса) и критика связанного с ней общества отчуждения используются в качестве элементов при программировании системы».

В последние двадцать лет мы наблюдали исторического масштаба революционную трансформацию «обществ советского типа» в СССР и странах Восточной Европы. Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, была польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой.

Вот что говорится об основаниях этой мотивации: «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими силами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, то есть культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения свелась к разрушению социалистической системы. Предпосылки институционального краха этой системы возникли после распада ее ценностной основы. Однако этос «Солидарности», провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. «Солидарность» как тип культуры – несмотря на свою антикоммунистическую направленность –

тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма.

В случае радикальных революций, сопровождающихся гражданской войной, конфликт на экономической почве даже не является главным. Американский социолог (из числа выславшихся из СССР в 1922 г. философов) П. А. Сорокин пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения».

Марксистское определение революции страдает еще и тем изъяном, что отсылает нас к понятию класса, которое таит в себе большую неопределенность. Споры относительно этого понятия велись после выхода основных трудов Маркса около ста лет. В результате понятие класса усложнилось – основанием для классификации стало не только отношение социальной группы к собственности, но и признаки *культуры*. На то, что понятие класса вообще трактуется совершенно по-разному в разных культурах, указывалось и раньше.

Например, О. Шпенглер пишет о восприятии этого понятия в Германии: «*Английский народ воспитался на различии между богатыми и бедными, прусский – на различии между повелением и послушанием*. Значение классовых различий в обеих странах поэтому совершенно разное. Основанием для объединения людей низших классов в обществе независимых частных лиц (каким является Англия), служит общее *чувство необеспеченности*. В пределах же государственного общения (т. е. в Пруссии) – *чувство своей бесправности*».

В другом месте О. Шпенглер пишет: «Маркс мыслит чисто по-английски. Его система двух классов выведена из уклада жизни народа купцов... Здесь существуют только «буржуа» и «пролетарий», субъект и объект предприятия, грабитель и ограбленный. В пределах господства прусской государственной идеи эти понятия бессмысленны».

Не соответствовала марксистскому определению классов и структура общества социалистических стран Восточной Европы в период подготовки «бархатных» революций. Н. Коровицына пишет: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух «классов» – имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли из себя социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей».

Совсем иначе, нежели в марксизме, понимался смысл классов и в России – именно по этой причине советские граждане так долго не замечали ошибочности отнесения русских революций к классовым. Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом». Столь же далеким от марксизма было и представление о буржуазии. М. М. Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Общества, еще не проваренные в котле капитализма (как Россия в начале или СССР в конце XX века), вообще являются не классовыми, а в той или иной степени *сословными*. А основания, по которым люди объединяются в классы или в сословия, принципиально различны. Это замечает даже О. Шпенглер, хотя в разделении общества на классы Германия прошла несравненно дальше, чем Россия. Он пишет: «С полным непониманием психологии, свойственным воспитанному на естествознании уму 50-х годов XIX века, Маркс не знает, что ему делать с различием сословия и класса».

Многие убеждены, что в России в 1917 г. произошла классовая (пролетарская) революция – так нас учили. Но как же видит Маркс основания для пролетарской революции – для того, чтобы заменить у власти буржуазию как господствующий класс пролетариатом? Первое основание – исчерпание тех возможностей, которые капитализм давал для развития производительных сил. Причину этого Маркс видел в том, что основанное на частной собственности капиталистическое производство регулируется стихийными механизмами рынка и не приемлет научного планирования в масштабе всего общества. Именно потому, что базис капиталистической формации все более ограничивал, по мнению Маркса, простор для развития производительных сил, капитализм должен был уступить место более прогрессивной формации, в которой частная собственность заменялась общественной.

Преодоление капиталистического способа производства через революцию Маркс представляет так: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов».

Какие условия необходимы, по мнению Маркса, для того, чтобы сложились условия для пролетарской революции? Первым условием является глобальный характер господства капиталистического способа производства. Поступательное развитие капитализма перестанет быть прогрессивным только тогда, когда и капиталистический рынок, и пролетариат станут *всемирными* явлениями. Революция созреет тогда, когда полного развития достигнет частная собственность. Маркс пишет: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике».

Смысл ясен: без полного развития частной собственности еще не все трудящиеся Земли станут пролетариями, а развитие капиталистических отношений и соответствующих им производительных сил еще не наткнется на непреодолимые барьеры. А значит, еще не будет необходимости устранять порожденное частной собственностью отчуждение посредством революции.

Маркс объясняет так: «Это *отчуждение*», говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух *практических* предпосылок. Чтобы стать «невыносимой» силой, т. е. такой силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило основную массу человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время имеющемуся налицо миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают огромный рост производительной силы, высокую степень ее развития. С другой стороны, это развитие производительных сил... является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение *бедности*; а при *крайней нужде* должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая

мерзость. Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается *универсальное* общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными... Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения...

Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Таким образом, следующее условие самой возможности пролетарской революции – ее всемирный характер, одновременное осуществление во всех капиталистических странах. Попытка в отдельной стране произвести «преждевременную» революцию, до того как буржуазия полностью исчерпает свой потенциал в развитии производительных сил, трактуется в марксизме как *реакционная*. На это прямо указывалось русским революционерам. Энгельс предупреждает в статье «О социальном вопросе в России» (1875): «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии».

Эту мысль Энгельс с иронией поясняет таким образом: «У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти».

Социальной причиной, по которой классом-могильщиком буржуазии должен стать пролетариат, была, по Марксу, эксплуатация рабочих посредством изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Именно пролетариат был должен и имел право *экспроприировать экспроприаторов*. Это важное положение марксистской теории революции, особенно для тех стран, в которых промышленный пролетариат составлял очень небольшую часть населения (как в России, где в начале 1917 г. рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.).

Но это теоретическое обоснование неотвратимости пролетарской революции на Западе несет в себе внутреннее противоречие.

Дело в том, что согласно политэкономическим воззрениям самого Маркса, капиталисты были *экспроприаторами* вовсе не по отношению к пролетариям – у пролетариев они покупали их рабочую силу по ее стоимости, через эквивалентный обмен на рынке труда. Жертвами капиталистической *экспроприации* были именно крестьяне и ремесленники, жившие и работавшие в докапиталистических хозяйственных укладах, где они вели натуральное хозяйство или мелкотоварное производство.

Маркс пишет об этой экспроприации капиталистами: «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, – эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы».

Если так, то как раз не на Западе и не от пролетариата следовало ожидать революции «экспроприированных масс». Ведь особенно большие масштабы «экспроприация у широких народных масс земли» приобрела в зависимых от Запада странах – колониях. В. И. Ленин приводит данные, показывающие, что уже в XIX веке земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии – на 57 %.

Однако сопротивление капитализму народных масс Маркс квалифицирует как *реакционное*, ибо оно препятствует «прогрессу промышленности, невольным носителем которого является буржуазия». Поэтому приведенные выше слова об «ужасной экспроприации народной массы» сопровождаются таким утверждением из «Манифеста коммунистической партии»: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории».

Надо подчеркнуть, что обвинение капитализма в эксплуатации рабочих является *нравственным* и, в принципе, вообще не должно присутствовать в политэкономии, которая претендует быть наукой (то есть беспристрастным знанием, свободным от моральных ценностей). Но главное, если бы капитализм смог «исправиться» и преодолеть эти два дефекта, на которые указал Маркс, то и оснований для революции не было бы – приверженцы марксизма с полным правом одобрили бы продление капитализма еще на исторический срок, снова дали бы ему «кредит доверия». В течение XX века именно это и смог совершить западный капитализм. Прежде всего, было отведено обвинение в эксплуатации – произошло становление так называемого «социального государства». Показатели экономической эффективности как критерия развития производительных сил также оказались к концу XX века у капитализма очень высокими. Это развитие на небольшом пятачке «золотого миллиарда» уже невозможно повторить на периферии. Периферия шла (и вынуждена идти) иным путем, нежели капитализм Запада, и на его путь перескочить не может, но этого теория Маркса не признает. Предсказанная теорией Маркса пролетарская революция не состоялась.

Теория тех антикапиталистических революций, которые действительно произошли во многих странах, сложилась в России. Она именно сложилась исходя из анализа реальности, который вели в течение полувека большое число политиков и ученых. Политическую форму этой теории придал В. И. Ленин. Эта теория кардинально расходилась с марксистской, хотя это «обвинение» отвергалось исходя из политической целесообразности.

Расхождения проявились на самой первой стадии зарождения этой теории. В 1875 г. народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России созревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс пересылает эту брошюру Энгельсу и просит ответить. Тот отвечает, сравнивая Ткачева с «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Ответ этот, «О социальном вопросе в России» (Соч., т. 18, с. 537–548), был опубликован в 1875 г. в Лейпциге и, как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества»².

² В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В. П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» Ленин так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.».

Энгельс так критикует прогнозы народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Энгельс был так возмущен брошюрами Ткачева, что предупредил: «русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы».

Отвергая само право крестьянства на революционное сопротивление капитализму, Энгельс создает ложное представление о русской поземельной общине (которая якобы «составляет естественную основу для *восточного деспотизма*»), а также о культуре крестьянства как сословия. Во введении к брошюре «О социальном вопросе в России» он пишет: «Масса русского народа, крестьяне, столетиями, поколение за поколением, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания». Откуда это следует? Из русских сказок, песен, организации труда и быта, истории освоения Сибири, Аляски и Калифорнии? Это – чисто умозрительная и ошибочная установка евроцентризма.

В момент написания своей знаменитой книги «Развитие капитализма в России» (1899) Ленин также следовал евроцентристскому тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства».

Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество – в общем, «азиатчина»). Исходом революции должно было стать «чисто капиталистическое» хозяйство. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы русской революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода: Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества». Таким образом, Ленин исходит из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса – капиталистический способ производства должен охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»), и к этому направлена русская революция.

Эти предвидения не сбылись. Революция 1905–1907 гг. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой. Попытка капиталистической модернизации, предпринятая Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие.

Именно урок революции 1905–1907 гг. заставил Ленина пересмотреть представление о смысле русской революции. В 1908 г., Ленин пишет статью, само название которой напол-

нено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь – совершенно новая трактовка революции. Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом *буржуазной* революции. В этой статье Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно *предотвращение* этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно новому взгляду Ленина, он отражает «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а *протест против надвигающегося капитализма*! Можно даже сказать, что крестьянская революция более *антибуржуазна*, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь партнеры на рынке, спорящие о цене.

В 1910 г, Ленин пишет в связи со смертью Л. Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрекращающееся обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которое стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...». Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение.

Определенно это новое представление о революции выразилось в Апрельских тезисах 1917 г. Суть этих тезисов и следующего за ними Октября как цивилизационного выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Плеханов и меньшевики, бундовцы и западные социал-демократы криком кричали, что вся стратегия Ленина противоречит марксизму, что это народничество и славянофильство. Лидер эсеров В. М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М. И. Либер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда – антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Напротив, А. Грамши писал в июле 1918 г. в статье «Утопия» об утверждениях, будто в России якобы буржуазия должна завершить необходимый этап буржуазной революции: «Где была в России буржуазия, способная осуществить эту задачу? И если господство буржуазии есть закон природы, то почему этот закон не сработал?.. Истина в том, что эта формула ни в коей мере не выражает никакого закона природы. Между предпосылкой (экономическая система) и следствием (политический строй) не существует простых и прямых отношений... То, что прямо определяет политическое действие, есть не экономическая система, а восприятие этой системы и так называемых законов ее развития. Эти законы не имеют ничего общего с законами природы, хотя и законы природы также в действительности не являются объективными, а представляют собой мыслительные конструкции, полезные для практики схемы, удобные для исследования и преподавания».

Революция в России была отрицанием капитализма с его разделением на классы. Замечательно это выразил Грамши в статье «Революция против «Капитала» (5 января 1918 г.): «Это революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса был в России книгой

скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось».

Таким образом, в отличие от марксистской теории классовой революции в России была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* – она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, выступая даже и под красным знаменем социализма. Примером стала Грузия. Здесь возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции и вело войну против большевиков. Президент Грузии Жордания (член ЦК РСДРП) объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Второй план в процессе преодоления В. И. Лениным рамок марксизма и развития представлений о судьбе периферийных стран мировой системы отражен в труде «Империализм как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 г. в Цюрихе и напечатанном в середине 1917 г. в Петрограде. В дополнение к совершенному В. И. Лениным ранее (после революции 1905–1907 гг.) отходу от марксистских представлений о крестьянстве, «Империализм...» стал необходимым и достаточным блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в одной стране» – вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада не является революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это – важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции.

Этой теме в «Империализме...» уделено большое внимание. В ряде мест говорится, с обильным цитированием западных экономистов, о перемещении основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы «на плечи темнокожего человечества». Приводятся данные о сокращении численности рабочих в Англии (15 % населения в 1901 г.) и о числе рантье, по своему порядку сравнимом с числом рабочих (1 млн. рантье против 4,9 млн. рабочих).

Хотя по традиции В. И. Ленин говорит еще о рабочей аристократии и «собственно пролетарском низшем слое» в Англии, в приведенных им цитатах речь идет о вовлечении всего рабочего класса Запада в эксплуатацию периферии. Так, цитируемый В. И. Лениным английский экономист Дж. А. Гобсон пишет: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными».

В. И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите граж-

данской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «нижние классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В. И. Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» (с. 405). И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» (там же). Эти суждения Энгельса, изложенные в письмах, находятся в резком противоречии с его гласными ответами народникам (см. выше его ответ Ткачеву).

Из этого прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер, преодолевающий гнет иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах (Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире).

Видный историк Б. Мур пишет, анализируя все революции начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Китаем: «Главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этих фактов можно сделать вывод о том, что дух человеческой свободы выражается не только в том, в чем видел Маркс – то есть в устремлениях классов, идущих к власти, но также – и, вероятно, даже больше – в предсмертном вопле класса, который вот-вот будет захлестнут волной прогресса».

Условием для победоносной революции в России было то уникальное сочетание чаяний и интересов общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое выразил Ленин в идее союза рабочих и крестьян. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к выводу, что революционным, отрицающим буржуазный порядок, был рабочий класс именно там, где он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и «свободного» крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

В некоторые редкие исторические моменты даже в странах Запада возникают революционные ситуации, в которых перед народом стоит не классовая, а общенациональная задача – предотвратить опасность вытаскивания страны на периферию его цивилизационного пространства. О. Шпенглер пишет о том, как назревала в 20-е годы в Германии социалистическая «консервативная революция» (которая была сорвана другой, национал-социалистической революцией фашистов): «Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии».

В чем сходство теорий революции Маркса и Ленина? В том, что в обоих случаях объектом революционного изменения (разрушения) становился *базис* общества или, в терминах марксизма, производственные отношения. Смысл пролетарской революции состоял в экспроприации капиталистической частной собственности. Смысл революции в крестьянской стране

– экспроприация феодальной и частной земельной собственности. Смысл «консервативной революции» в трактовке О. Шпенглера – переход к прусскому социализму как жизнеустройству, защищающему Германию от угрозы превращения ее в периферийный придаток Антанты. Для достижения этих целей и построения нового жизнеустройства на измененном базисе предполагались соответствующие революционные изменения и в надстройке – государстве, идеологии и пр.

В 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции и национал-социалистической революции в Германии (фашизм), родилась принципиально новая теория, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась *надстройка* общества, причем ее наиболее «мягкая» и податливая часть – идеология и установки общественного сознания. Разработка ее связана с именем Антонио Грамши, основателя и теоретика Итальянской компартии.

Грамши создал новую теорию государства и революции – для городского общества, в отличие от ленинской теории, созданной для условий крестьянской России. Ключевой раздел труда Грамши – учение о *культурной гегемонии*. Это – часть общей теории революции как слома государства. Изложение ее содержится в «Тюремных тетрадах», огромном труде, который Грамши написал в тюрьме. Записи были тайно вывезены и через Испанию переправлены в Москву. Труд опубликован впервые в Италии в 1948–1951 гг., в 1975 г. вышло его четырехтомное научное издание с комментариями.

Выше был приведен постулат Макиавелли, согласно которому государство стоит *на силе и согласии*. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан и власти, Антонио Грамши называет *культурной гегемонией*. По его словам, «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Таким образом, принуждение – лишь броня гораздо более фундаментального содержимого. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется власти (шире – господствующему классу). Грамши дает такое определение: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых».

Если главная сила государства и основа власти – гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводится к тому как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса? Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать.

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал такие механистические аналогии, которые привлекает исторический материализм), а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

Гегемония опирается на *«культурное ядро»* общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Это –

не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии – интеллигенция. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции в современном обществе. Это нагляднее всего видно как раз на примере «бархатных» революций конца XX века. Например, основную роль в подрыве легитимности политической системы ПНР сыграла участвующая в движении «Солидарность» специфическая польская интеллигенция.

Вот к какому выводу пришли польские ученые, изучая эту историю: «Автор и исполнитель программы «Солидарности» – образованный класс. Он сформировался под влиянием национального, политического и культурного канона польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Мифологизация политики, сведение ее к этической сфере, подмена политической конкретики абстракциями – результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние сохранилось и даже усилилось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948–1989 гг., когда литература выполняла роль «невидимого правительства», а «польским героем» был, по выражению И. Курчевской, ангелоподобный член идеального с моральной точки зрения сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии.

Учение Грамши о гегемонии стало важной главой в современной политологии. С использованием предложенной им методологии ведется много прикладных исследований и разработок. Во многих случаях противостоящие политические силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Так было, например, в Великобритании во время кампании Тэтчер по приватизации в 1984–1985 гг. – английские профсоюзы, противодействующие приватизации, пытались склонить на свою сторону общественное мнение, но проиграли соревнование за гегемонию. В результате англичане дали согласие на приватизацию и отшатнулись от тэтчеризма только когда испытали ее последствия на своей шкуре.

Исходя из положений этой теории была «спроектирована» и гласность в СССР как программа по подрыву гегемонии советского строя. Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок (типа провокации в Румынии в 1989 г. или «путча» в Москве в августе 1991 г.). Эти открытые действия по добиванию власти, утратившей культурную гегемонию, ведут, согласно концепции Грамши (в отличие от Маркса), не классовые организации, а *исторические блоки* – временные союзы внутренних и внешних сил, объединенных конкретной краткосрочной целью свержения власти. Эти блоки собираются не по классовым принципам, а ситуативно, и имеют динамический характер. Их создание и обновление – важная часть политической деятельности.

Теория революции Грамши развивается множеством авторов, на ее основе пишутся даже учебники. К ним относится, например, книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». Она издана в 1993 году и является учебным пособием для активистов «оранжевых революций». Лежащая в основе этого текста доктрина управления сознанием масс и идеология экспорта демократии отчетливо проявились в уже произошедших

грузинских и украинских событиях. Текст Дж. Шарпа размещен на сайте его собственного института, а также на сайтах грузинской «Кмары» и молодежной организации белорусской оппозиции «Зубр», созданной для борьбы с «диктатурой Лукашенко». Имеется он и на российских сайтах.

В логике учения Грамши велся подрыв гегемонии социалистических сил в СССР и странах Восточной Европы в 70 – 80-е годы. Этому служил и самиздат, и передачи специально созданных на Западе радиостанций, и массовое производство анекдотов, и работа популярных юмористов или студенческое движение КВН в СССР. Массовая «молекулярная» агрессия в сознание велась непрерывно и подтачивала культурное ядро.

Особое значение имел театр. В США сделаны диссертации о роли театра в разрушении культурного ядра социалистических стран. Так, например, рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это – типичный пример явления, названного «антиинституциональный театр», то есть театр, подгрызающий общественные институты. Согласно выводам исследования, постановщики сознательно «искали трещины в монолите гегемонии и стремились расширить эти трещины – в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории издавна было названо желаемое крушение противостоящего Западу «советского блока».

Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР («грамшианская революция»). Она представляла собой интенсивную программу по разрушению идей-символов, которыми легитимировалось *идеократическое* советское государство. Мир символов упорядочивает историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую роль, является *авторитет*. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой – он отравляет вокруг себя пространство, поражая целостность сознания людей.

Как писал известный католический богослов Р. Гвардини, «разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие – насилие». Огромным экспериментом был тот «штурм символов», которым стала Реформация в Западной Европе. Ее опыт глубоко изучил Грамши при разработке учения о гегемонии. Результатом Реформации была такая вспышка насилия, что Германия потеряла 2/3 населения.

Поскольку советское государство было *идеократическим*, его легитимация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на политический рынок индивидуального голосования. Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому штурму. Этот штурм был очень эффективным.

Важное отличие теории революции Грамши от марксистской и ленинской теорий было и то, что Грамши преодолел свойственный историческому материализму *прогрессизм*. И Маркс, и Ленин отвергали саму возможность революций *регресса*. Такого рода исторические процессы в их концепциях общественного развития выглядели как *реакция* или контрреволюция. Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества.

У Грамши перед глазами был опыт фашизма, который применил средства манипуляции сознанием, относящиеся уже к эпохе постмодерна и подорвал гегемонию буржуазной демократии – совершил типичную революцию регресса. Но теория истмата оказалась не готова к такому повороту событий. Недаром немецкий философ Л. Люкс после опыта фашизма писал:

«Благодаря работам Маркса, Энгельса, Ленина было гораздо лучше известно об экономических условиях прогрессивного развития, чем о регрессивных силах». При этом, опять же, подрыв культурных устоев, которые могли бы противостоять соблазнам фашизма, проводился силами интеллигенции. Л. Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Более того, элита советских коммунистов, получившая в 30-е годы образование, основанное на прогрессистских постулатах Просвещения (в версии исторического материализма), долго не могла поверить, что в Европе может произойти такой сдвиг в сфере сознания. Это не позволило осознать угрозу фашизма в полном объеме. Это особо подчеркивает Л. Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции – всеобщего равенства, и для марксистского идеала – пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, затруднил понимание причин и глубины того кризиса Запада, из которого вырвалась фашистская революция. Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых не учитывалась уязвимость надстройки, общественного сознания. Крупнейший психолог нашего века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г., задолго до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что «белокурая бестия», мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями».

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 г. в эпилоге к своим работам об этом массовом психозе («немецкой психопатии») признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему». Он прекрасно знал все «разумные» экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных «объективных причинах». Загадочным явлением был именно массовый, захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Они ломали структуры надежно развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут об этом явлении: «Противостояние имело неотрадиционалистский, ценностно-символический характер («мы и они»), овеяно ореолом героико-романтическим – религиозным и патриотическим. «Нематериалистическим» был сам феномен «Солидарности», появившийся

и исчезнувший... Он активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным «простому» человеку – таким, как «борьба добра со злом»... Широко известно изречение А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает».

Подобный слом произошел в СССР в конце 80-х годов. Поведение огромных масс населения нашей страны стало на время обусловлено не разумным расчетом, не «объективными интересами», а именно всплеском коллективного бессознательного. Это поведение казалось той части народа, которая психозом не была захвачена, непонятным и необъяснимым. В некоторых частях сломанного СССР раскачанное идеологами коллективное бессознательное привело к крайним последствиям. Возьмите Армению начала 90-х годов. Нет смысла искать разумных расчетов в ее войне с Азербайджаном – шансов на успех в такой изнурительной войне почти не было. Это – массовый психоз, вызванный политиками для свержения советского строя и разрушения СССР.

Перестройка и начальная фаза рыночной реформы в СССР – чистый случай революции регресса, и его совершенно не могло предсказать советское обществоведение исходя из теорий революции Маркса и Ленина. Кто в 90-е годы поддержал Ельцина, если не считать ничтожную кучку «новых русских» с их разумным, даже циничным расчетом, и сбитую с толку либеральную интеллигенцию? Поддержали именно те, в ком выиграло обузданное советским строем *антицивилизационное* коллективное бессознательное. Эти внеклассовые массы людей, освобожденные от рациональности заводов и КБ, правильно поняли клич Ельцина «я дал вам свободу!» В самом понятии *рынок* их слух ласкал эпитет: *стихийный* регулятор. А понятие плана отталкивало неизбежной *дисциплиной*. И к этим людям, как запорожцы босым, но пьяным и веселым, КПРФ взывала: выберите нас, мы восстановим производство и вернем вас к станку и за парты.

Когда такая *революция регресса* происходит с половиной народа и он начинает «жечь костры и в церковь гнать табун», то это – национальная катастрофа. Это вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации («контрреволюция через 70 лет»), а *«революция гунна»*, имеющая цивилизационное измерение. В РФ оно выражается в демонтаже главных структур современной цивилизации – промышленности, науки, образования, больших технических систем (типа Единой энергетической системы).

Революция может иметь причиной глубокий конфликт в отношении всех фундаментальных принципов жизнеустройства, всех структур цивилизации, а вовсе не только в отношении способа распределения произведенного продукта («прибавочной стоимости»). Например, многие немецкие мыслители первой половины XX в. считали, что та революция в Германии, которая возникла в результате Первой мировой войны, имела в своем основании отношение к *государству*. О. Шпенглер приводит слова видного консерватора И. Пленге о том, что это была «революция собирания и организации всех государственных сил XX века против революции разрушительного освобождения в XVIII веке». О. Шпенглер поясняет: «Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. «Социализм есть организация», он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма».

Понятно, что такая революция совершенно противоречит теории Маркса, ибо для марксизма государство – лишь *паразитический нарост* на обществе. О. Шпенглер отмечает: «Маркс и в этом отношении превратился в англичанина: *государство не входит в его мышление*. Он мыслит при помощи образа *society* – безгосударственно».

Главным предметом данной книги является специфический тип революций, который иногда обозначается словом «цветные», а чаще словом «оранжевые» – по названию самой крупной из них, которая произошла на Украине в конце 2004 – начале 2005 г. Две другие сходные революции имели место в 2000 г. в Югославии и в 2003 г. в Грузии. Описание и ана-

лиз «оранжевых» революций предваряет краткий очерк их предшественниц, особенно «бархатных» революций 80-х годов в восточноевропейских социалистических странах.

«Оранжевые» революции – это революции, не просто приводящие к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а и принципиально меняющие основание легитимности всей государственности страны. Более того, меняется даже местонахождение *источника легитимности*, он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма. Такое глубокое изменение государственности имеет цивилизационное измерение.

Наблюдатели, следующие представлениям о революциях, принятым в историческом материализме (революция как смена формации), отрицают за «бархатными» и «оранжевыми» операциями по смене власти статус *революций*. Действительно, речи не идет о *классических* революциях. Но общественные явления вообще, а революции в частности, и не ограничиваются классикой. Смена власти и в Грузии, и на Украине сопровождалась глубокими структурными изменениями не только в государстве и обществе этих стран, но и в структуре *мироустройства*. Две *постсоветские* территории резко изменили свои цивилизационный тип и траекторию развития – они вырваны из той страны, которая еще оставалась на месте СССР, хотя и с расчлененной государственностью. Они перестали быть постсоветскими. Будущее покажет, будет ли это новое состояние устойчивым, но в данный момент приходится признать, что свершилась именно революция.

Разумеется, эти *неклассические* революции по многим своим важнейшим признакам отличаются от прежних и классовых, и цивилизационных революций. В том числе и по той роли, которую играют внешние силы. М. Ремизов пишет: «Революции всегда в той или иной степени служили целям внешних агентов (хотя бы потому, что в краткосрочном плане они ослабляют общественный организм) и как-то инспирировались извне. Но в великих революциях «внешний фактор» был именно внешним, привходящим по отношению к самому революционному акту. В случае «бархатных революций» все иначе: поддержка извне является их внутренней чертой, входит в онтологию события, становится краеугольным камнем новой легитимности».

Для описания и анализа «бархатных» и «оранжевых» революций, которые сложились как специфическая политическая технология свержения государственной власти в самые последние десятилетия³ – нет необходимости вдаваться в детальную классификацию множества революций второй половины XX века. Главное – принять и осмыслить тот факт, что реально имевшие место в XX веке революции вызваны необходимостью решать задачи не столько формационного характера, сколько цивилизационного.

Мы видели революции, в которых часть общества добивалась изменения главных структур жизнеустройства в соответствии со своими представлениями о благой жизни, но при этом формационные изменения имели для этой части общества второстепенное значение, были лишь инструментами изменения. Таковы были и революция кадетов, и революция либеральной интеллигенции в СССР, и массовый порыв части украинского общества в 2003–2004 гг. Но мы видели и революции, которые другая часть общества производила, чтобы предотвратить эти изменения, противоречащие ее представлениям о благой жизни – и для этого приходилось переделывать общественно-экономические структуры.

Для понимания и предвидения хода революций надо вглядываться не только в противоречия, созревшие в базисе общества, но и в процессы, происходящие или целенаправленно возбуждаемые в надстройке общества – в культуре, идеологии и сфере массового сознания. Грамши дал сильную теорию таких революций, а в последние полвека накапливается и систематизируется богатый эмпирический материал. Эта работа достигла того уровня зрелости,

³ На пороге постмодерна

когда появилась возможность быстро разрабатывать технологии таких революций применительно к конкретной социокультурной обстановке.

Глава 2. Критерии оценки революций в методологии марксизма

Для судеб России важно, что российская интеллигенция с конца XIX века приняла как догму понятие *революции*, проникнутое представлениями марксизма.

В российской социал-демократии, а затем и в советском обществоведении было принято как догма, что в иерархии критериев, с которыми Маркс подходил к общественным явлениям, на первом месте стояли критерии *формационного, классового* подхода. Ленин писал весной 1914 г.: «По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению у Маркса». С этим никак нельзя согласиться, если речь идет не об абстрактной теоретической модели Маркса, а об отношении к реальным общественным противоречиям. Установки Маркса и Энгельса были отягощены евроцентризмом и русофобией. Это создавало внутреннюю противоречивость всего учения, поскольку из-под концепции исторического процесса как борьбы классов периодически прорывалось более фундаментальное представление истории как *борьбы народов*.

При столкновении *прогрессивной* нации с *реакционным* народом «рабочий вопрос» (то есть интересы трудящихся) не просто занимает у классиков марксизма подчиненное место по сравнению с национальным, но как правило вообще не принимается во внимание.

При вторжении английского капитализма в Индию гибель миллионов индийских ткачей ничего не значила по сравнению с прогрессивной ролью колонизаторов в развитии производительных сил Англии. Напротив, гражданская война буржуазии северных штатов США против буржуазии плантаторов Юга под лозунгом ликвидации рабства воспринималась Марксом почти как пролетарская революция. Маркс и Энгельс писали в приветствии президенту США Линкольну в ноябре 1864 г.: «Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспрецедентные бои за освобождение поработенной расы и преобразование общественного строя».

Для такой восторженной оценки не было совершенно никаких оснований кроме уважения к США как стране наиболее развитого и «чистого» капитализма.

Евроцентризм заставлял Маркса так сузить рамки его представления революции, что основные противоречия, порождавшие с середины XIX века революционные движения, из этой модели исключались. Следовательно, они и не могли получить одобрения основоположником марксизма. Так возник конфликт между Марксом и русскими революционерами, который имел несколько уровней. Структура его не разобрана из-за умолчаний, вызванных особым местом, которое занимал марксизм в идеологии мирового левого движения и в официальной советской идеологии.

Известно, какое резкое неприятие Маркса и Энгельса вызвали представления Бакунина и народников о назревании в России антикапиталистической революции. Основатели марксизма считали эту революцию несвоевременной и даже реакционной. Понятно, что для хода реального исторического процесса в России в период назревающей революции вопрос о тех основаниях, исходя из которых Маркс и Энгельс пришли к такому выводу, был чрезвычайно актуальным. Этот вопрос остается актуальным и сегодня, поскольку политически активная часть постсоветского общества остается под большим влиянием марксистского обществоведения. В этом обществоведении ответ на указанный вопрос сводился, в общем, к следующему.

Ключевым положением исторического материализма и теории революции Маркса является *объективный* характер главного противоречия общественного развития – противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений. Когда разрешение этого противоречия становится невозможно в рамках данной общественно-экономической формации, происходит революция, ломающая прежние производственные отношения, и меняется формация.

Исходя из этого, Маркс и Энгельс и предупреждали о том, что попытка произвести преждевременную социальную революцию до того, как развитие производительных сил вступило в неразрешимое противоречие с производственными отношениями, является *реакционной*. Такая революция лишь задержала бы развитие производительных сил или даже привела к их регрессу. Положение о том, что сопротивление капитализму, пока он не исчерпал своей потенции в развитии производительных сил, является реакционным, было заложено в марксизм, как непререкаемый постулат.

Этому положению уделено значительное место уже в «Экономических рукописях 1844 г.» Маркса. Об этом специально говорится в «Манифесте коммунистической партии»: сословия, которые «борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели... реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории».

При этой оценке совершенно не принимается в расчет, насколько массовыми и нестерпимыми являются страдания «ремесленников и крестьян», страдания подавляющего большинства именно *рабочих* в исходном смысле этого слова.

Маркс пишет в «Капитале» о мелкотоварном производстве и его уничтожении капитализмом: «Экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, – эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы».

Итак, на подавляющее большинство народа накатывает враг, угрожающий «ужасной экспроприацией народной массы», причем «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых и самых бешеных страстей» – но сопротивляться этому народ не должен, это сопротивление Маркс квалифицирует как *реакционное*. Гораздо важнее, по его мнению, «прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия». Сопротивление этому «колесу истории» недопустимо.

Что это за «колесо истории»? Почему народы, которых оно грозит раздавить, не имеют права попытаться оттолкнуть его от своего дома – пусть бы катилось по другой дорожке? Причем с обвинением в реакционности таких попыток Маркс обращается и к народам, которые вовсе не находятся в колее этого «колеса» – например, к русскому.

«Рабочий вопрос» занимает подчиненное положение и при оценке Марксом тех страданий, которые выпадают на долю разных народов под железной пятой капиталистического прогресса. Даже небольшие лишения ремесленников Запада вызывают несравненно большее сожаление, чем массовая гибель «отсталых». Маркс пишет: «Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2½ пенса в день. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834–1835 годах: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопчаткачей»...».

Гибель ткачей в Англии «затянулась на десятилетия», и за эти десятилетия «многие умерли голодной смертью». Но им оказывалась определенная социальная помощь. Как сказано в сноске, «до проведения закона о бедных 1833 г. конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии из-за того, что вспомоществованиями от приходов пополняли заработную плату, упавшую далеко ниже минимума». Социальной катастрофы в Англии явно не произошло. Однако «всемирная история не знает более ужасающего зрелища» – а кости миллионов ткачей Индии, умерших от голода всего за один год, столь ужасающего зрелища, по мнению Маркса, не представляют. Разве для русских народников это не было сигналом, что уж нас-то «колесо» совсем не пощадит, если мы не отклоним его траекторию подальше от России?

Правом на вандализм, экспроприацию и даже уничтожение сопротивляющихся народов марксизм наделяет Запад – на основании того, что в расистской идеологии евроцентризма Запад приписал себе роль носителя прогресса.

Одновременно евроцентризм принижает роль всех незападных культур и народов в развитии человечества в целом, в том числе и его производительных сил. Приручение лошади в Азии или выведение культурной кукурузы и картофеля индейцами Южной Америки сыграли в истории цивилизации более важную роль, чем создание атомной бомбы. Приписывать какую-то особую роль буржуазному обществу, оправдывая этой ролью разрушение других культур и хозяйственных укладов – это вызванное кратким историческим моментом сужение сознания. К. Леви-Стросс пишет в «Структурной антропологии»: «Вся научная и промышленная революция Запада уместается в период, равный половине тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить, прежде чем утверждать, что эта революция полностью перевернула жизнь».

К несчастью для советского строя и советского народа, присущий марксизму евроцентризм настолько глубоко проник в наше массовое сознание, что большинство не замечало нелепости того гипертрофированного восхищения, которое в 70—80-е годы XX века вызывали у нас западные промышленные товары. Люди поклонялись электробритве и не хотели знать, что хозяйственное освоение центральной и северной Европы началось лишь после того, как германцы освоили изобретенный скифами хомут. Только тогда они смогли заменить волов лошадьми на пахоте и в транспорте, чтобы обрабатывать удаленные от жилищ поля и поляны. И только с появлением хомута на север продвинулись монастыри, необходимые для развития центры культуры.

Но вернемся от реальности отношений Запада с периферией («борьбы народов») к абстракции исторического материализма. Эта абстрактная конструкция представляется несостоятельной исходя из следующих соображений.

Понятно, что если речь идет об объективном противоречии, нарастание которого проявляется во множестве общественных явлений, тем более если процесс нарастания этого противоречия является нелинейным и приводит к переломным моментам, то возникает вопрос, каковы *индикаторы* и *критерии*, которыми оперирует методология марксизма. Как она определяет наступление того критического момента, начиная с которого *можно* проводить социальную революцию? Когда надо считать, что производительные силы развились настолько, что приходится менять производственные отношения посредством революционного действия, рационально направляемого марксистской теорией?

В отношении России, как мы знаем, Маркс и Энгельс при жизни, а его ортодоксальные последователи и после их смерти, всегда говорили: «Рано!». То есть, по критерию развития производительных сил, достаточного для революции, моменту давалась *негативная* оценка. Логичным был вопрос: на основании каких измерений? Каким инструментом пользовались Маркс и Энгельс?

Вопрос этот вполне правомочен, поскольку если бы марксизм не выработал индикаторов и критериев для обнаружения пороговой точки, то называть его *методом*, а тем более *теорией* или даже сводом *объективных законов*, не было бы никаких оснований. Просто сказать, что какое-то дело надо делать вовремя, а не преждевременно, является банальным утверждением, не обладающим научной ценностью.

Допустим, что ценность негативного утверждения Маркса и Энгельса при определении степени созревания революции в России («Еще рано!») при их жизни проверить не представлялось возможным (хотя и это должно было насторожить, поскольку марксизм претендовал на открытие *всеобщих* законов общественного развития, исходя из которых Маркс и Энгельс давали вполне конкретные оценки). Но ведь были оценки, сделанные самими классиками марксизма для тех обществ, которые они хорошо знали и на материале которых они создавали свою теорию. Вспомним эти оценки.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс таким образом характеризовали состояние производительных сил в странах Западной Европы на тот момент: «Производительные силы, находящиеся в его [общества] распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие;

И когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство».

Сказано вполне ясно. Это – *позитивное* утверждение, согласно которому противоречие между производительными силами и производственными отношениями в наиболее развитых странах Западной Европы *дошло до своей критической точки*. Буржуазные отношения задерживают развитие производительных сил, производительные силы не служат более развитию буржуазных отношений собственности. Анализ, приведший к этому выводу, проделан самими творцами метода, лучше них никто этим методом не владел.

В «Капитале» Маркс пишет, какие события должны произойти в этой критической точке: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается... Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Итак, противоречие вполне созрело, но социалистической революции, которая должна была произойти «с необходимостью естественного процесса», не произошло. Час капиталистической частной собственности *не пробил*, капиталистическая оболочка *не взорвалась*. Более того, буржуазное общество не пришло в полное расстройство каким-то иным, неревolutionным образом. Результат марксистского анализа оказался *ошибочным*. В таком случае должна была последовать проверка всех измерений и выкладок для поиска причин ошибки. Результатов такой проверки ответственные исполнители работы (Маркс и Энгельс) заказчикам (обществу, рабочему классу, партии и т. д.) не представили. Есть ли какие-то косвенные свидетельства их рефлексии?

Таких свидетельств не было очень долго. Факты не могли поколебать веру Маркса в «естественные законы». Он пишет Энгельсу (8 октября 1858 г.): «Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля круглая, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция

близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продельвает еще восходящее движение?».

Как понять эту веру в то, что в 1858 г. Запад был близок к социалистической революции, так что главная опасность заключалась лишь в контрреволюционном нашествии индусов и китайцев? Какие для этого были объективные показатели? Налицо просто непригодность методических инструментов марксизма. Осознание этого постепенно приходило и к Марксу с Энгельсом.

Вот косвенное признание Энгельсом ошибочности представленного в «Манифесте коммунистической партии» вывода о том, что к 1848 г. производительные силы на Западе стали непомерно велики для буржуазных отношений. В 1893 г. он пишет в предисловии к итальянскому изданию «Манифеста», излагая свое представление о революции 1848 г.: «Повсюду эта революция была делом рабочего класса... Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Однако, хотя они и сознавали неизбежный антагонизм, существующий между их собственным классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни духовное развитие массы французских рабочих не достигли еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство».

Это признание вызывает ряд вопросов. Во-первых, каково назначение текста, в котором сказано, что в 1848 г. «экономическое развитие страны *не достигло* еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство»? Этот текст – предисловие к тому самому «Манифесту», в котором черным по белому написано, что экономическое развитие в тот момент как раз *достигло* этого уровня. Как можно было оставить такое явное несоответствие без всякого объяснения? Надо же было сказать, в чем корень ошибки и устранен ли он из теории, которой предлагают пользоваться мировому пролетариату в 1893 г.

Второй вопрос таков. Если «экономическое развитие страны в 1848 г. *не достигло* еще того уровня, при котором, согласно «Манифесту», можно проводить социальное переустройство, то почему же о парижских рабочих, которые «имели совершенно определенное намерение свергнуть буржуазный строй», Энгельс говорит с таким уважением? Ведь это их намерение следовало считать *реакционным!* Мало того, оно было глупым (применительно к России в подобном случае Маркс сказал о Бакуanine «Осёл!», а Энгельс что-то похожее сказал о Ткачеве). Это второе противоречие между предисловием к «Манифесту» и текстом «Манифеста» также осталось без всякого объяснения. Если взгляды Энгельса изменились и «Манифест» устарел, как же можно было его издавать без предупреждений! Можно ли представить себе такое в науке!

Третий вопрос касается еще одного очевидного противоречия. В своем предисловии 1893 г. к «Манифесту» Энгельс пишет, что в 1848 г. «духовное развитие массы французских рабочих не достигло еще того уровня», при котором могла произойти социальная революция. Не достигло *еще*. Но ведь после 1848 г. во Франции происходило быстрое экономическое развитие, а также «духовное развитие массы французских рабочих». Почему же они, «сознавая неизбежный антагонизм» с буржуазией, не воспользовались этим развитием и не совершили победоносную революцию? Ведь хотя в 1871 г. Маркс и писал о Парижской коммуне, что это «начало социальной революции XIX века» и что «она обойдет *весь мир*», ни о каком разрешении противоречия между производительными силами и производственными отношениями там и речи не шло.

О социально-экономической программе Коммуны Маркс писал уклончиво: «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны... Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества». Другими словами, ни о какой социальной

революции речь здесь не идет. Социальные меры, которые предприняла Коммуна, никак с разрешением «главного противоречия» не связаны. Маркс пишет о них: «Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: отмена ночных работ булочников...». Других «элементов нового общества» не нашлось.

Более того, и после Парижской коммуны труды Маркса издавались во Франции массовыми тиражами, в стране действовали сильные марксистские партии, марксисты руководили вооруженными силами Сопротивления во второй мировой войне, марксист-социалист несколько сроков был президентом – почему же Призрак коммунизма все дальше и дальше уходил из Франции? Надо признать как факт, что методологический инструментарий, с помощью которого Маркс и Энгельс вели свой анализ и давали свои прогнозы, является *негодным*. Не в мелочах, а в главном, в отношении фундаментальных процессов – как социальных, так и национальных.

Таким образом, вопреки утверждениям Энгельса в предисловии к «Манифесту» 1893 г., получается, что или антагонизма между пролетариатом и буржуазией не существовало, или парижские рабочие его не сознавали (а значит, опять же, его и не существовало, ибо социальный антагонизм есть явление *общественного сознания*). Как может общество в течение 45 лет (с 1848 по 1893 г.) жить и быстро развиваться в состоянии антагонизма между двумя главными классами? К тому же у Энгельса не было никаких оснований отождествлять специфическую социальную группу «парижских рабочих» (скорее даже, небольшую часть этой группы) с пролетариатом Франции. Ниоткуда не следует, что «парижские рабочие» восстали потому, что производственные отношения сковывали производительные силы.

Надо сказать, что при этом Энгельс все равно считает, что революция 1848 г. была «почти» социалистической – только теперь проявление ставшего критическим противоречия переместилось у него из ядра капиталистической системы в менее развитые страны Запада. Он пишет в том же предисловии: «Ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости. Поэтому революция 1848 г. должна была привести к единству и независимости тех наций, которые до того времени их не имели: Италии, Германии, Венгрии. Очередь теперь за Польшей. Итак, если революция 1848 г. и не была социалистической, то она расчистила путь, подготовила почву для этой последней».

Выходит, к 1893 г. уточненный марксистский анализ показал, что в 1848 г. противоречие созрело, но чуть-чуть не дотянуло до точки порога. Зато произошла подготовительная революция, которая «расчистила путь, подготовила почву» для революции социалистической. Где же эта социалистическая революция в Европе? Противоречие созрело, для социалистической революции путь расчистили и почву подготовили – почему же она не состоялась? Выходит, противоречие разрешилось без революции и выводы «Капитала» тоже отменяются? Ошибка вышла?

В 1893 г. Энгельс, готовя предисловие к «Манифесту», должен был хоть словом обмолвиться о неполадках в методологическом инструментарии марксизма. В любой науке исследователь, при такой серии неудач в предсказаниях поведения системы, обязан предупредить, что его гипотеза «пока что подтверждений не получила». О теории и методе в таком случае говорить рано. Что значит «объективное противоречие», если для наблюдения за ним нет измеримых индикаторов? Что значит «закон, действующий и осуществляющийся с железной необходимостью» (так сказано в «Капитале»), который не выполняется на протяжении всего исторического периода, в продолжение которого он и должен был действовать?

Наконец, надо учесть и еще одно красноречивое высказывание Энгельса (1890 г.), которое можно считать косвенным признанием невозможности оценить степень зрелости главного противоречия капитализма. Из этого признания Энгельс делает следующий, поистине фун-

даментальный вывод – он советует всемерно *способствовать развитию капитализма*, что и будет наиболее верным средством сделать жизнь трудящихся более счастливой.

Он пишет в рабочую газету в Вене: «В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам, а к ним я причисляю и венцев, я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя».

Вот тебе и антагонизм буржуазии и пролетариата! Вот и теория революции – нужно всемерно укреплять капитализм, потому что это приближает конец господства капиталистов. Эта установка Энгельса была взята на вооружение теми нынешними марксистами в нынешней России, которые считали русскую революцию «неправильной», а советский строй «мутантным социализмом». Бузгалин и Колганов, следуя за Энгельсом, пишут: «Формирование *целостного* социалистического общества в начале XX века было *невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве развитых стран*».

Несостоятельность методологии, предложенной Марксом и Энгельсом для анализа общественных противоречий современного общества, подтверждается не только фактом ошибочности их прогнозов. Много собственных утверждений Маркса и Энгельса, сделанных начиная с 70-х годов XIX века, указывают на то, что они и сами усомнились в познавательных возможностях своих концепций.

Отсюда можно сделать важный для нашей темы вывод: в рамках исторического материализма, то есть представлений о классовой борьбе и противоречии между производительными силами и производственными отношениями, марксистская методология не давала никаких оснований считать назревающую в России революцию преждевременной и тем более реакционной. Не видеть этого Маркс и Энгельс не могли.

Следовательно, риторика формационного подхода служила лишь гипнотизирующим прикрытием истинных оснований, побуждавших Маркса и Энгельса использовать свой авторитет, чтобы отвергать саму возможность социальной революции в России. Каковы же были, на мой взгляд, эти истинные основания?

Совокупность прямых и косвенных утверждений Маркса и Энгельса, имеющих отношение к данному вопросу, позволяет считать, что эти основания лежат в плоскости не *классовых* и *формационных*, а *этнических* и *цивилизационных* отношений Запада и России. Маркс и Энгельс стремились предотвратить не «преждевременную» революцию, а именно успешную самостоятельную *революцию русских*, которая неизбежно поставила бы под угрозу насущные интересы Запада. Победоносная революция русских трудящихся была бы *реакционной* именно с точки зрения интересов Запада.

Положив эту марксистскую концепцию в основу советского обществоведения, КПСС поставила на русскую революцию и советское государство клеймо *первородного греха* и сама создала одну из важных причин краха советского строя. Следовать по этому пути и продолжать пользоваться методологическим аппаратом марксизма для поиска путей выхода из нынешнего кризиса постсоветского общества – значит наверняка оказаться в познавательном тупике.

Глава 3. Реакционные и прогрессивные революции

В середине XIX века русские заслужили ненависть Маркса и Энгельса тем, что оказали духовную и, частично, военную поддержку *контрреволюционным* славянским народам. Эти народы, находившиеся в составе Австрийской империи, попытались выступить за свое национальное освобождение в момент революции 1848 г. Следуя этой логике, можно было предположить, что появление, с начала 60-х годов XIX века, признаков назревания революции в самой России будет встречено вождями Интернационала с горячим одобрением. Этого не произошло, что ставит перед нами и методологический, и актуальный политический вопрос.

Какую же революционность признает марксизм *прогрессивной*? Ведь если, как это произошло с представлением революции 1848 г., марксизм видит в революции прежде всего войну народов, то революция *реакционного народа* может быть признана *реакционной революцией*. Эта теоретическая проблема приобрела практическую важность уже в момент революции 1848 г. И проблема эта вовсе не тривиальна. Та борьба против угнетения и эксплуатации, которая внутри страны рассматривается как революционная, в европейском центре марксистской мысли может быть оценена как *реакционная* и, выходит, сами же революционеры обрекут свой народ на то, что против него со стороны прогрессивного пролетариата будет развязан *кровавый террор* с целью стереть этот народ с лица земли, как Энгельс и обещал славянам.

Он писал в статье «Демократический панславизм»: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам... Беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции!».

Понятно, что с самого зарождения революционного движения в России второй половины XIX века этот вопрос стал предметом ожесточенных дискуссий, причиной череды расколов и, во многом, причиной Гражданской войны, а затем и репрессий 30-х годов. При всякой возможности русские революционеры обращались за разъяснениями к главным арбитрам – Марксу и Энгельсу. Иногда это приводило к острому взаимному конфликту, как это случилось с Бакуниным, который воочию наблюдал революцию 1848 г. в Германии (и был, по свидетельству самого Энгельса, самым умелым и мужественным командиром революционных войск).

Бакунин писал: «Марксисты должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую... Они должны отвергать крестьянскую революцию уже по тому одному, что эта революция специально славянская». Иными словами, уже Бакунин пришел к выводу, что отношение марксистов к революции определяется вовсе не *классовым* подходом. Революции рассматриваются ими как дело *народов* и оцениваются в плоскости *войны народов*.

Поскольку, начиная с 70-х годов XIX века, марксизм господствовал в умах левой и либеральной российской интеллигенции, вывод Бакунина или получал лишь молчаливую поддержку, или поддерживался с умолчанием имен основоположников марксизма. Например, основоположник концепции евразийства лингвист Н. С. Трубецкой писал в известном труде «Европа и человечество» (1920): «Социализм, коммунизм, анархизм, все это «светлые идеалы грядущего высшего прогресса», но только лишь тогда, когда их проповедует современный

европеец. Когда же эти «идеалы» оказываются осуществленными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются, как проявление первобытной дикости».

Его предвидение характера назревающей русской революции (как революции социалистической и совершаемой союзом рабочего класса и крестьянства) Маркс оценил как «ученический вздор». Он увидел в этом реакционную попытку низвести пролетарскую революцию в высокоразвитой Западной Европе на уровень «русских или славянских земледельческих и пастушеских народов»⁴.

Исторические исследования XX века показали, что в этом споре был прав Бакунин, а не Маркс. Именно «трудовой народ» (и прежде всего общинное крестьянство) как раз и был носителем идеи социальной справедливости, и в этом смысле – социалистом и коммунистом. Недаром Вебер сказал, что мировоззренческой основой русской революции служит *общинный крестьянский коммунизм*.

Уже с опытом краха советского строя А. С. Панарин писал (считая, что в «марксистском тексте» главной и понятной широким массам ценностью является именно социальная справедливость): «Народ по некоторым признакам является природным или стихийным *социалистом*, сквозь века и тысячелетия пронесшим крамольную идею социальной справедливости... Остается бесспорным, что в современной тяжбе между либеральной «демократией свободы» и социалистической «демократией равенства» народ тяготеет к поддержке последней... А следовательно, и «советская империя» есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее... Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед «русским вызовом». Были в прошлом и возможны в будущем и более могущественные в военном отношении и при этом враждебные Западу империи. Но они не вызывали и не вызывают такой тревоги на Западе».

Пожалуй, именно этот скрытый в народной революции вызов Западу как буржуазной цивилизации и побудил Маркса дать такую жесткую отповедь Бакунину.

Следующим поколением реакционных русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 80-е годы XIX века экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Концепцию народников Маркс отверг категорически и очень резко.

Какую роль сыграла эта позиция Маркса и Энгельса в судьбе революционного движения в России, видно из следующего. В 1875 г. народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой и объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс пересылает эту брошюру Энгельсу и просит публично ответить на нее. Тот отвечает, сравнивая Ткачева с «зеленым, на редкость незрелым гимназистом».

Ответ этот полон грубых личных выпадов против Ткачева и совсем не добродушной иронии, оснований для которой брошюра Ткачева не дает. А ведь, как писал через полвека Н. А. Бердяев, «замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы был П. Н. Ткачев». Даже те выдержки из его брошюры, которые Энгельс цитирует как нечто несуразное, удивляют сегодня своей прозорливостью и здравым смыслом.

Для нас Ткачев интересен тем, что он, обычно относимый к народникам, шел дальше их. Он, по словам Бердяева, «первый противоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между

⁴ Примечательно введенное Марксом разделение – «русских или славянских народов». Это не погрешность. Собирая все аргументы, ставящие под сомнение право России на существование, Маркс поверил в нелепую теорию, согласно которой русские не были славянами.

Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова».

Ответ Энгельса Ткачеву, работа «О социальном вопросе в России», был опубликован в 1875 г. в Лейпциге и, как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества».

Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-т Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе».

Трудно поверить, что Энгельс пишет это искренне. Утверждать в 1875 г., что «лишенные собственности рабочие Западной Европы революционны» – это значит противоречить очевидности, причем такой очевидности, которую сам же Энгельс не раз констатировал в своих письмах. Так, 7 октября 1858 г. (!) Энгельс писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно. Здесь могут помочь лишь несколько очень плохих годов, а их, по-видимому, уже не так-то легко дождаться, с тех пор как открыты золотые россыпи». Сравните это с теми нотациями, которые прочел Энгельс Ткачеву, утверждавшему буквально то же самое, только не в письмах, а публично.

И ведь это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, было вполне устойчивым. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке». Как же в таких условиях Энгельс мог требовать от русских, чтобы они дожидались пролетарской революции в Англии? Из его же собственных утверждений прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер.

Энгельс не только с возмущением отвергает «чистейший вздор» относительно социалистических установок русских крестьян, но и предупреждает, что революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии».

В официальной советской истории обходился молчанием тот факт, что основоположники марксизма наложили запрет на то, чтобы русская революция выходила за рамки буржуазной революции – раньше, чем это будет позволено пролетариатом «господствующих народов». Ученики Маркса и Энгельса считали своим долгом выполнять этот завет, ставший для них священной догмой. Это во многом предопределило раскол революционных социалистических сил в России, который привел к Гражданской войне.

Вспомним, какое неприятие и по какой причине вызвала Октябрьская революция у ортодоксальных марксистов в России и в Западной Европе. Вот суждение родоначальника российского марксизма Г. В. Плеханова: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему? Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами».

Сразу после революции, 28 октября 1917 г. Плеханов опубликовал открытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Это утверждение лишено логики и является простым повторением марксистской догмы – никогда и нигде возможность господства какой-то социальной группы не определялась ее численностью. И эта марксистская догма засела в сознании марксистов так глубоко, что реальные факты нисколько не могли ее поколебать.

В 1917 г. эта догма привела к краху российской социал-демократии. Лишь небольшая ее фракция – *большевики* – смогла эту догму преодолеть и была принята в лоно русской революции, хотя и в партии большевиков эта догма выбаливала с кровью. Но каких перегрузок и травм стоил России тот факт, что на антисоветские позиции перешло большинство политически активного образованного слоя! Ибо антисоветские позиции быстро превратились в *антинациональные*. Они затянули Россию в Гражданскую войну.

Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной».

Примечательно, что немецкие социал-демократы 20-х годов XX века, как будто прямо продолжая линию Маркса, видели связь между большевиками и народниками. Видный социал-демократ Г. Штребель писал в 1921 г.: «Если большевики и воображали, что русских крестьян можно... завоевать на сторону коммунизма и коммунистического способа производства, то они лишь доказывали вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционизма, которые составляют специфическую сущность бакунизма»⁵.

К этому же выводу, но уже в качестве не обвинения, а беспристрастного суждения, пришел Н. А. Бердяев. Он писал, что при строгом следовании принципам марксизма социальной революции в России пришлось бы ждать очень долго: «И наиболее революционно настроенные марксисты должны были иначе истолковывать марксизм и построить другие теории русской революции, выработать иную тактику. В этом крыле русского марксизма... произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности... Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики».

Такова прямая преемственность антисоветских установок российских и западных марксистов в момент русской революции 1917 г. и критикой Энгельса в адрес народников в 1875 г. Но вернемся к этой критике. Стараясь доходчиво объяснить в ответе Ткачеву, почему кре-

⁵ Эта выдержка взята из доклада, сделанного Н. И. Бухариным в 1926 г.

стьянская и общинная Россия обязана следовать по пути развития буржуазии с разделением народов по классовому признаку, Энгельс с иронией поясняет эту мысль таким образом: «У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти».

Эта аналогия ложная. Народники предложили концепцию индустриализации и *модернизации* России не так, как она осуществлялась в ходе буржуазной промышленной революции на Западе – не через разрушение выработанных культурой общественных институтов, а с опорой на эти институты (прежде всего, на *общину*). Найти в этой концепции стремление *восстановить* неклассовое общество «дикарей и полудикарей» невозможно даже при самой вольной трактовке написанного. Эта ирония Энгельса вызывает неприятие не своей нетерпимостью (ради умного замечания можно было бы проглотить насмешку), а своей несостоятельностью, отсутствием логики.

Замечу к тому же, что Энгельс иронизирует в 1875 г., когда в разгаре уже была Реставрация Мэйдзи в Японии – разновидность революции, имевшей целью форсированную модернизацию общества и хозяйства не по западному пути, а с опорой на *традиционные* (и даже архаичные) японские институты. Например, тогда была сознательно выработана специфическая японская модель промышленного предприятия, построенного не на принципах рынка рабочей силы, а на основе межсословного и межкланового контракта, как это практиковалось в Японии XI века в контрактах между крестьянской общиной, ремесленниками и кланами самураев. «Восстанавливать это нам и в голову не может прийти!» – воскликнул бы Энгельс. Но оказалось, что у Японии были и свои головы.

Теория тех антикапиталистических революций, которые действительно произошли во многих странах, сложилась в России. Она именно *сложилась* исходя из анализа реальности, который вели в течение полувека большое число политиков и ученых. Политическую форму этой теории придал В. И. Ленин. Эта теория кардинально расходилась с марксистской, хотя это «обвинение» отвергалось исходя из политической целесообразности.

Глава 4. Запрет на русскую народную революцию

Уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции в «оставших» западных странах, возможность такой революции, совершенной угнетенными народами. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Отсюда прямо вытекает вывод о том, что согласно учению марксизма коммунистическая революция в России была невозможна, поскольку:

- русские не входили в число «господствующих народов»,
- Россия не включилась в «универсальное развитие производительной силы» (то есть в единую систему западного капитализма),
- русский пролетариат еще не существовал «*во всемирно-историческом смысле*», а продолжал быть частью общинного крестьянского космоса.
- господствующие народы ни в какой момент не произвели пролетарской революции «сразу», одновременно.

Ни одно из условий, сформулированных Марксом и Энгельсом как необходимые, не выполнялось к моменту созревания русской революции.

Развитие революционного процесса в России находилось под пристальным вниманием и даже контролем Маркса и Энгельса. Очень интенсивными были их личные контакты с русскими революционерами того времени, очень жесткими были оценки даже их личностей.

Как говорилось выше, исходным пунктом для резкого неприятия самой идеи социалистической революции в крестьянской России было фундаментальное положение исторического материализма о правильной смене общественно-экономических формаций.

В своем главном труде «Капитал» Маркс постулировал необходимость западных стран следовать в фарватере общественного развития Запада. Он писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая степень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из единственных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. *страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего*» (выделено мною. – С.К-М).

Более того, развивая свою теорию пролетарской революции, Маркс в разных контекстах и формах подчеркивает принятый им постулат *глобализации капитализма*, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе – так, чтобы весь охваченный рыночными отношениями мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства».

Но это допущение невыполнимо, что делает неверной и всю модель, на которой стоит теория революция Маркса. Виднейший современный марксист, изучающий мировую капита-

листическую систему, И. Валлерстайн, писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии». Таким образом, тот капитализм, который представлял себе Маркс, в принципе *невозможен*⁶.

Он невозможен не только потому, что изымает из периферии «материал» для построения капитализма в метрополии. Он организует хозяйство периферии не как капиталистическое, а как дополняющее капиталистическую экономику метрополии. Анклавы капитализма на периферии оплачиваются за счет разорения и даже архаизации хозяйства большинства населения колонии или зависимой страны.

Виднейший советский востоковед, обществовед-марксист В. В. Крылов в очень важной книге «Теория формаций» пишет: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его неревольюционирующих общественный процесс консервативных тенденций».

Далее Крылов показывает, что архаизация хозяйства колоний есть именно следствие вторжения западного капитализма: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности... Одно дело, когда частная капиталистическая собственность приходит на смену тоже частной, но мелкокрестьянской собственности, как это было в европейских странах; иное дело, когда частная капиталистическая собственность идет на смену общинным порядкам, как это было в пореформенной России и как это еще более ярко выражено ныне в странах Африки... Даже там, где капитализм разрушал эти порядки, в «освободившемся» социально-экономическом пространстве развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были... И это суть регрессивные формы самого капитала, такие докапиталистические уклады, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самим порождаются. Эти «псевдотрадиционные» или «неотрадиционные» укладные формы необходимо отличать от предшествующих капитализму действительно доколониальных местных укладов».

Надо отметить, что уже из приводимых самим Марксом в «Капитале» данных о масштабе изъятия Западом ресурсов из колоний видно, что глобальное распространение капитализма невозможно – средства для первоначального капиталистического накопления изъяты с большей части территории Земли и сконцентрированы на Западе (как сказал позже К. Леви-Стросс, «Запад построил себя из материала колоний»). Таким образом, уже во времена Маркса можно было видеть, что модель, положенная им в основание теории революции, *неверна*. Индустриализация и развитие стран, не входящих в ядро мировой капиталистической системы («Запад»), неизбежно должны были протекать по-иному, чем на Западе.

Сегодня это очевидно – никак не может Англия показывать всем странам «картину их будущего». Вот красноречивое сообщение 16 апреля 2006 г.: «Дату наступления «дня задол-

⁶ Вопреки работе Ленина об империализме и множеству исследований системы «центр-периферия», советское обществоведение продолжало внедрять в сознание догму Маркса. В. Ж. Келле и М. Ковальзон в массовом учебнике «Исторический материализм», который начал публиковаться в 60-е годы, пишут: «С развитием капитализма исчезает изолированность отдельных стран и народов. Различные страны втягиваются в общее русло капиталистического развития, возникают современные нации и между ними устанавливаются всесторонние связи. Тем самым отчетливо обнаружилось, что история всего человечества едина и каждый народ переживает ряд закономерных ступеней исторического развития. Возникли широкие возможности для сравнения истории различных народов, выделения того общего, что имеется в экономических и политических порядках разных стран, для нахождения закономерной повторяемости в общественных отношениях».

женности», при гипотетической опоре только на свои силы, рассчитали эксперты лондонского аналитического New Economics Foundation. Если бы уровень потребления остальных стран мира совпадал с британским, то Земля смогла бы прокормить и обогреть человечество только до 1961 года. По выкладкам New Economics Foundation, именно 16 апреля 60-миллионное население Соединенного Королевства начало потреблять больше, чем позволяет ресурсная база страны.

Учитывая регенерацию экосистемы, производство промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и т. п., эта условная дата определяется каждый год. В 1961 году Великобритания оказалась в должниках у всего мира 9 июля, в 1981 году – 14 мая, а в 2006 году – 16 апреля. Это значит, что темп регенерации ресурсной базы королевства все больше отстает от роста уровня его внутреннего потребления. В 2004 году страна перестала быть энергетически независимой и превратилась в нетто-импортера газа после падения добычи на месторождениях в Северном море.

В целом если бы уровень потребления остальных стран мира совпадал с британским, то Земля смогла бы прокормить и обогреть человечество только до 1961 года. Сейчас для этого понадобилась бы ресурсная база более трех планет.

Согласно докладу в этом году первыми в долг стали жить Голландия и Япония (2–3 марта) и Италия (13 апреля). В мае настанет черед Испании, Швейцарии, Португалии и Германии, а в июне – США. Последними станут жить не по средствам Австрия в октябре и Словакия в ноябре».

Подойдем с другой стороны. Англия не могла показывать «отстающим» странам картину их будущего еще и потому, что капитализм метрополий *не допускал* развития капитализма на своей периферии. Он его душил как возможного конкурента за источники сырья и рынки сбыта. Поэтому страна, оказавшаяся на периферии, и не может развить свои производительные силы в рамках капитализма так, чтобы ей марксизмом была разрешена социалистическая революция. Напротив, западный капитализм приводит к архаизации хозяйственных укладов периферийных стран. И это Маркс прекрасно знал. Он пишет в «Капитале»: «Европейские государства... насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии».

В другом месте он пишет о Турции: «Такетт знает, что из собственно мануфактур и в результате уничтожения сельских или домашних мануфактур возникла с введением машин крупная шерстяная промышленность. «Вы отделяете прялку от плуга, веретено от ярма и получаете фабрики и дома для бедных, кредит и кризисы, две враждебные нации, сельскую и торговую». Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом. Он утверждает, что таким путем была разорена Турция, ибо там «собственникам земли и земледельцам никогда не разрешалось»

(Англией) «укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом».

В конце XIX века, на этапе империализма, невозможность повторить путь Запада была очевидна. Реальной альтернативой было превратиться в зону периферийного капитализма – или совершить какую-то свою, национальную революцию, закрыть свое народное хозяйство от вторжения западного капитала. Относительно этой дилеммы и возникли ожесточенные споры между русскими марксистами.

И. В. Сталин заявил в 1924 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистиче-

ской системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Но речь идет не только о необходимости пройти, перед социалистической революцией, этап капитализма. Любой сбой в «нормальной» последовательности формаций ставит под сомнение возможность страны дозреть до социализма. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «*Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины... Мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма».

Это – жесткое тотализирующее утверждение. Античное рабство как формация вовсе не охватило весь мир. Большинство народов «в своем развитии пошли дальше древней общины», но вовсе не по пути античного рабства. Из этого утверждения Энгельса прямо вытекает, что Россия, не пройдя через рабство, не может сама освоить «современного социализма». Она в лучшем случае должна будет перенять его у Запада после совершенной там пролетарской революции.

При этом Маркс исключает возможность для незападных культур *обучения* капитализму, осмысления его опыта и опережающего преодоления капиталистических форм жизнеустройства. Нет, социалистическая революция становится оправданной лишь после того, как капитализм довел до конца разрушение прежних укладов (прежде всего, крестьянской общины) и довел человека до его полного *отчуждения*. Необходим этап полного господства частной собственности.

Маркс пишет в «Экономико-философских рукописях 1844 г.»: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике». До какой же степени должно дойти это «движение частной собственности»? До своего полного исчерпания. Попытку даже пролетариата бороться против этого движения, пока оно не исчерпало свой импульс, Маркс и Энгельс считают *реакционной* – даже в форме *интеллектуальной* (литературной) борьбы.

Они пишут в «Манифесте Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность».

Эта уравнивательность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», рассматривается Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса (позже М. Вебер назовет это качество общинного мировоззрения главным противником современного капитализма). «Грубому» общинному коммунизму, в котором русские народники видели культурное основание назревающей революции, Маркс уделял большое внимание с самых ранних этапов разработки его доктрины.

Приведу большую выдержку из «рукописей 1844 г.», потому что в ней пронизательно и в карикатурном виде изложены важные черты русского коммунизма, о котором Маркс в то время ничего еще не знал. Он представлял коммунизм, который возникает «без наличия развитого движения частной собственности», когда противоположность между трудом и капиталом «еще не выступает как обусловленная самой частной собственностью», как это и было в России в конце XIX – начале XX века.

Вот слова Маркса: «Коммунизм в его первой форме... имеет двойкий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.